

ПАЛЕОЛИТ БАЛКАН И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: взаимодействие или независимое сосуществование?

Границы и физико-географические особенности Балкан и Северного Причерноморья в плейстоцене.

Балканский полуостров и Северное Причерноморье представляют собой две самостоятельные обширные географические страны, расположенные в северо-восточной части Большого Средиземноморья. В совокупности они занимают площадь, превышающую 700 тыс. кв. км., которая простирается на несколько тысяч километров вдоль побережий Адриатического, Средиземного, Ионического, Эгейского, Мраморного, Черного и Азовского морей. В отличие от морских, северные (материковые) границы этих стран довольно условны, и нередко определяются по-разному. В последнее время, по крайней мере, в археологической литературе, к Северному Причерноморью относят весь Крымский полуостров и обширную территорию прилегающей южной части степной зоны в границах Причерноморской и Кубано-Приазовской низменностей. Принципиально важно, что Балканы и Северное Причерноморье соседствуют друг с другом и имеют общую, хотя и не очень протяженную границу, которая проходит по устью (дельте) Дуная. Заметим также, что нижняя часть долины этой крупнейшей реки Европы чаще всего рассматривается как северная граница первого из двух рассматриваемых регионов.

Рельефы данных географических стран на первый взгляд довольно сильно отличаются друг от друга: если Балканский полуостров преимущественно гористый, то Северное Причерноморье характеризуется в основном спокойным равнинным ландшафтом, за исключением небольшого и сравнительно невысокого массива Крымских гор. Вместе с тем, у них есть нечто существенно общее, а именно: и Балканы, и Северное Причерноморье не моноландшафтны, а характеризуются значительным физико-географическим разнообразием. Здесь часто представлены разные по площади зоны так называемых «расчлененных и мозаичных ландшафтов», приуроченные, главным образом, к долинам крупных рек и предгорьям. Между тем, известно, что именно в пределах таких территорий многократно усиливается известный в биологии пограничный эффект биозональности, иными словами такие ландшафты однозначно являлись более ресурсоемкими и, следовательно, исходно представляли больший интерес для коллективов палеолитических охотников-собирателей.

Следует подчеркнуть, что общие геофизические характеристики обоих рассматриваемых регионов в период эоплейстоцена-плейстоцена не только не являлись стабильными, но и были, особенно в раннем четвертичном периоде, существенно иными. Сначала в результате мощных тектонических процессов был раздроблен некогда единый массив суши Балканского и Малоазийского полуостровов, а на месте этого разлома в результате просадочных деформаций образовались Эгейское и Мраморное моря. В целом тектонические явления, которые выражались в поднятии одних и опускании других участков суши, в той или иной степени были характерны для обоих регионов на протяжении всего плейстоцена.

Очертания береговых линий Балканского полуострова и Северного Причерноморья также неоднократно менялись, иногда значительно, в согласии с глобальными

циклами аккумуляции и деструкции ледниковых масс в полярных широтах и на высоких горных массивах, и, соответственно, изменениями уровня Мирового океана. Прослеживается высокая степень корреляции трансгрессивно-регрессивных событий в бассейнах Средиземного и Черного морей (см. напр.: Федоров 1983; 2000), что, однако, не означает их полной близости. Так, в периоды наиболее холодных ледниковых максимумов, которые сопровождались неоднократными, а иногда – очень значительными регрессиями всего Мирового океана, уровень вод Понто-Меотического (Черноморско-Азовского) бассейна достигал – 80–90 м, но, тем не менее, заметно превышал уровни Мраморного и Средиземного морей (на 30–40 м). В те же фазы акватории мелководного шельфа Азовского моря и Одесского залива периодически осушались, превращаясь в обширную озерно-пойменную аллювиально-делювиальную равнину, как это хорошо и, по сравнению с более ранним временем, даже детально реконструировано для позднечетвертичного и раннеголоценового времени (Щербаков и др. 1979; Бруяко, Сапожников 2009; и др.). Вследствие этих же причин, Крымский полуостров в четвертичном периоде был то полуостровом (возможно, даже островом), то частью материка (Алексеев и др. 1986; Лазуков и др. 1981; Чепалыга и др. 1989). Мелководность Эгейского и Адриатического морей на протяжении всего периода плейстоцена также приводила к значительным изменениям конфигурации всех побережий Балканского полуострова, но особенно западного (Shackleton et al. 1984; Lambeck 1996; Runnels, van Andel 2003; Antonioni, Vai 2004).

Проблемы первоначального заселения и дальнейших этапов освоения регионов.

Постулатом является утверждение о том, что ни Балканы, ни Северное Причерноморье не были изначально заселены палеолитическим человеком. В настоящее время общепринятой является точка зрения о том, что первое освоение евразийских пространств осуществлялось группами древних гоминид с территории африканского материка. Хотя вопросы о времени, условиях и направлениях первоначального расселения палеолитических коллективов по-прежнему весьма дискуссионны (Амирханов 2007; Деревянко 2009; Любин, Беляева 2006; Arribas, Palmqvist 1999; Bar-Yosef, Belfer-Cohen 2000; Kozłowski 2005).

Уже сама по себе географическая позиция Балканского полуострова естественным образом задает определение этого региона как «моста» или своеобразного «перекрестка» на пути между Европой и Азией. Закономерно полагают, что одно из основных направлений исходного проникновения древних гоминид как в Европу, так и в Азию пролегал через Ближний Восток (Manzi 2001). В этом случае Балканский полуостров играл роль основного коридора («моста») расселения древнейших предков современного человека, в том числе и на территорию Северного Причерноморья.

Однако, данный регион, впрочем, как и весь юг и юго-восток Восточной Европы мог заселяться и иными путями: сначала также с территории Ближнего Востока, но либо по восточному побережью Черного моря и далее в Крым, либо вдоль западного побережья Каспийского моря из закавказского центра расселения гоминид, то есть фактически непосредственно из азиатского региона, минуя «балканский мост». Так или иначе, есть все основания допускать, что первоначальное освоение Балкан и Северного Причерноморья может характеризоваться общими закономерностями и, по-видимому, сходной последовательностью и близкой хронологией главных культурно-исторических событий.

Если Балканский полуостров без всякого сомнения выступал в качестве заселенческого «моста» всего европейского континента, то очевидно также и то, что во время раннего палеолита Балканы одновременно являлись и своеобразным «перекрестком» путей дальнейшего продвижения населения на вновь осваиваемые территории. Так, для коллективов гоминид, в разное время проникавших на полуостров, именно этот регион мог служить исходной точкой для дальнейшего продвижения в самых разных направлениях: вдоль далматинского побережья и далее на запад; через Дунайский коридор и далее север, на Придунайскую низменность и в Центральную Европу; через долину Нижнего Дуная на территорию современной Румынии и в Северное Причерноморье, а далее на восток и северо-восток.

Установлено, что для раннего (нижнепалеолитического) времени более характерно было тяготение стоянок к морским побережьям и предгорьям крупных горных систем (см., напр. Васильев и др. 2008; Деревянко, Шуньков 2009). Для последующего среднепалеолитического времени наибольшую привлекательность для населения, как это устанавливается по материалам среднепалеолитических памятников Украины, представляли участки расчлененного мозаичного ландшафта предгорий, невысоких возвышенностей и долин крупных рек (Степанчук 2007), в которых сочетались биологические, минеральные и водные ресурсы. Следует сразу же подчеркнуть, что сходными стратегиями освоения территории характеризуется и ранний этап эпохи верхнего палеолита, практически до времени начала последнего поздневюрмского оледенения (примерно до 23–22 тыс. лет назад; далее – ТЛ), во всяком случае, если речь идет о территории Украины (Djindjian et al. 2006; Stepanchuk et al. 2009). Исходя из сказанного, в рамках балканского и северопричерноморского регионов, потенциально наибольший интерес для колонизации в среднем и начале верхнего палеолита представляли северо-восток современной Греции и европейская часть Турции, а также территории Болгарии, Румынии, Крымского полуостров и Северного Предкавказья.

Формы взаимодействия населения регионов; специфика источников; степень достоверности реконструкций.

Судя по новым данным и материалам, опубликованным за последние десять – пятнадцать лет (Анисюткин 2001; Беляева 1998; Любин 1994; 1998а; Степанчук 2006; Guadelli et al. 2005; Karavanic 2004; Kuhn 2002; Runnels, Özdoğan 2001; Osole 1990; 1991; Turk 1997 и др.), в настоящее время принципиально ставить вопрос о возможных контактах между разными группами населения в регионе следует для времени не древнее конца рисса, а скорее всего с начала вюрма, то есть с момента сравнительно продолжительного освоения этих территорий и после некоторого увеличения численности населения. В каких же формах могло происходить взаимодействие между различными группами гоминид, занимавшими указанные регионы в палеолите?

Если исходить из того, что носителям палеолитических индустрий любой древности были свойственны базовые человеческие характеристики, то тогда, очевидно, следует принять, что взаимодействие могло происходить на нескольких уровнях, а именно: биологическом, социальном, культурном и целостном биосоциокультурном (см., напр. Каган 2004). Не менее очевидно также, что возможности источников и существующих методик совсем недостаточны для исследования отдельных уровней предполагаемых взаимодействий. Поэтому для палеолитического времени, в луч-

шем случае, можно вести речь о попытках реконструкции в рамках интегрированного биосоциокультурного уровня.

Необходимое условие взаимодействия на биосоциокультурном уровне – непосредственный контакт отдельных групп населения или единичных их представителей. При этом следует иметь в виду, что удаленный визуальный контакт, иногда и односторонний (наблюдение из укрытия) – также является разновидностью непосредственного контакта. Отсюда следует, что пассивное оттеснение населения из каких-либо территорий также является формой контакта. Из этнографических свидетельств известно, что возможны три формы контакта человеческих групп: избегание, дружеский контакт, враждебное столкновение.

Условия взаимодействия разных групп палеолитического населения могут быть объективными, то есть не зависящими от субъектов взаимодействия, и субъективными. К числу объективных условий следует относить увеличение демографической плотности. К ним же можно и, наверное, необходимо добавить и характеристики окружающей среды, поскольку именно они, в конечном итоге, определяют основные показатели демографической ситуации (Кабо 1986; Тишков 1988; Арутюнов 1989). При этом рост численности населения может быть обусловлен как увеличением числа доступных жизненно необходимых ресурсов на фоне улучшения климатических условий, так и наоборот, общим ухудшением климатических условий и вынужденным сосредоточением населения в пределах сравнительно малых ареалов с более диверсифицированными ландшафтами и более разнообразными ресурсами.

К числу субъективных условий, задающих неотвратимость контакта, следует относить взаимную заинтересованность в результатах контакта, причем такая заинтересованность может быть и со знаком плюс (мирный контакт), и со знаком минус (столкновение).

Основными источниками для биологических, социальных и культурных характеристик жизнедеятельности древних человеческих обществ являются археологические и сопряженные с ними естественнонаучные данные. Крайняя степень отрывочности, неполноты и лакунарности археологических источников общеизвестна. В отношении ни одного ареала, региона или даже урочища никогда нельзя с полной уверенностью сказать, что нам известны все данные, относящиеся к тому или иному более или менее определенному хронологическому периоду. Поэтому для выяснения взаимодействия групп древнего населения на уровне конкретных небольших коллективов современная мера детальности информативности традиционных источников является совершенно недостаточной. Речь может идти лишь о значительно более грубых реконструкциях, например, проводимых на макроуровне биосоциокультурной деятельности гоминид.

Едва ли не единственным универсальным археологическим ключом к реконструкции вероятных взаимодействий древнего населения является сходство технологии и типологии каменных инвентарей тех или иных памятников или их групп (которые сами по себе могут иметь разное функциональное назначение). Общепринято считать, что выявляемые разными методами черты такого сходства свидетельствуют о генетическом родстве изготовителей каменных индустрий. Этот ключ дает (или, скорее, предположительно дает) возможность отслеживать некоторые события или уточнять некоторые характеристики древних обществ на самом обобщенном уровне исследований. В частности, устанавливать передвижения крупных групп населения на большие расстояния, улавливать длительные во времени контакты, которые фик-

сируются в изменениях состава материальной культуры, очерчивать ареалы распространения сходных в культурном отношении явлений и т.п. Еще один ключ для решения поставленных проблем дают так называемые импорты, то есть предметы удаленного происхождения: в виде индивидуальных или массовых находок. Такой подход является заведомо более тонким и подчас действительно позволяет проследить специфические особенности жизнедеятельности и контактов отдельных коллективов охотников-собирателей.

Добавим, что археологические источники характеризуются, к тому же, еще и значительной неопределенностью и даже многозначностью; им свойственна мягкая податливость к самым разнообразным трактовкам и построениям. Даже само отсутствие археологического источника – например, следов пребывания человека определенного возраста в определенном месте – также имеет *не один* смысл: либо люди того или иного времени на самом деле здесь никогда не пребывали, либо следы их пребывания уничтожены воздействием каких-либо внешних факторов, либо эти следы пока просто не обнаружены.

Естественнонаучные данные, к примеру, геостратиграфические, палеонтологические или палинологические, как правило, более конкретны, но часто и они допускают достаточно широкий спектр вариантов своей интерпретации (см., напр. Gamble 1999). Большинству археологов гораздо более объективной и надежной кажется информация, полученная в результате применения методик, разработанных представителями точных наук, например, абсолютные датировки. Но, на самом деле, примеров контroversийного прочтения исходных данных и здесь более чем достаточно (см., напр. Aitken 1999). Наконец, закономерное совершенствование методик датирования приводит к объявлению ранее полученных, принятых и уже интерпретированных данных ненадежными: сравните, например, недавнее сообщение о том, что более 70% опубликованных ранее абсолютных дат для стратиграфической последовательности итальянской палеолитической стоянки Фумане является несостоятельным (Higham et al. 2009). Все это придает дополнительную неопределенность естественнонаучным данным и материалам, которые обычно используются в палеолитоведении.

Важная составляющая источников по древнейшим этапам заселения Европы – антропологические свидетельства. В целом, исследования данного круга источников позволяет допускать как минимум три масштабные миграции гоминид из Африки в Европу, которые имели место в нижнем, среднем и в начале верхнего палеолита. При этом первая волна расселения – *Homo erectus/ergaster* могла произойти в конце эоплейстоцена – самом начале плейстоцена (на уровне около 2–1,5 млн. лет назад), а вторая волна – ранних *Homo heidelbergensis* или близких форм – увязывается с нижним плейстоценом (со временем порядка 400-350 ТЛ). Предполагается также возможность еще одной, промежуточной волны раннего проникновения на уровне около 800 ТЛ, связанной с ранним эпизодом продвижения носителей индустрий с рубилами. Последующая масштабная волна расселения, связанная уже с человеком современного физического облика из Африки, начало которой относится ко времени примерно от 100 до 60 ТЛ (см. Хрисанфова 1999; Mellars 2006; Васильев 2009; и др.).

В целом же аргументируется, что между 200 и 30 ТЛ значительная часть Восточной Европы, наряду с Передней и Центральной Азией, входила в обширный миграционно-метисационный ареал, в котором шли более или менее интенсивные процессы метисации эректоидных, неандерталоидных и сапиентных форм (Василь-

ев 2006). Специально подчеркивается, что расселение древнего человека в мустьерское время на территории Восточной Европы не было связано с Западной Европой, а коренилось в переднеазиатском “котле” сапиентации (Зубов 2004; Васильев и др. 2006). Что же касается ближневосточно-балканского пути проникновения гоминид в Европу, то во всех случаях именно он, согласно традиционным представлениям, играл важную роль, но, по-видимому, иногда ведущую (как в случае расселения *Homo sapiens*), а иногда подчиненную (Bar-Yosef 1998; Mellars 2004; 2005; Kozłowski 2005). Так, Я. Козловский высказывается скорее в пользу Гибралтара как основного пути заселения Европы носителями галечно-отщеповых, а затем рубиловых комплексов, но в пользу балканского пути проникновения анатомически современного человека из Ближнего Востока между 50–40 ТЛ (Kozłowski 2005). Вместе с тем следует отметить, что такая роль Балкан пока не подтверждается палеогенетическими исследованиями (Finlayson, Carrión 2007).

А теперь перейдем к краткой характеристике наиболее выразительных комплексов и памятников обоих рассматриваемых регионов по периодам, подчеркнув, что из-за небольшого объема статьи и недостаточной степени опубликованности материалов представленный нами обзор не может претендовать на полноту и, тем более, на детальность.

Нижний палеолит.

Наиболее важными памятниками территории современной **Турции** являются: пещера Яримбургаз и Эскиче Сирти в европейской части Босфора и Гёксу на его азиатском побережье (Runnels, Özdoğan 2001; Kuhn 2002; Dinçer, Slimak 2007). Яримбургаз представлен чопперами, чоппингами и многочисленными орудиями на сколах с иррегулярными зубчатыми лезвиями в слоях, относимых ко второй половине среднего плейстоцена, к периоду между 9 и 6 кислородно-изотопными стадиями (далее – КИС). Гёксу связан с погребенной почвой, возраст которой достигает 400 ТЛ. Важные сведения о нижнем палеолите страны доставляют хорошо документированные Дурсунлу и, в особенности, Караин, географически более удаленные от Босфора (Kuhn 2002). Возраст комплекса Дурсунлу, представленного нуклеусно-отщеповой индустрией и орудиями из кварца, оценивается на уровне около 1 млн лет. Нижние четыре стратиграфических пачки Караин относят к нижнему палеолиту. Индустрия юнита А, с возрастом более 350 ТЛ, представлена мелкими зубчатыми и выемчатыми формами орудий и находит аналогии в материалах Яримбургаз; индустрии из юнитов В-Е, возраст которых 350–300 ТЛ, отличны от материалов, обнаруженных в юните А и более сходны с ашело-ябрудьеном центрального и южного Леванта (ссылки см. Kuhn 2002). Кроме того, на территории Турции до сих пор не известны выразительные нижнепалеолитические памятники с рубилами, хотя есть сообщения об их единичных находках (Dinçer, Slimak 2007).

В **Греции** нижнепалеолитические местонахождения датируются около 250–350 ТЛ (Darlas 1995) и представлены инвентарями и с бифасами и отщеповыми индустриями, сопровождаемыми орудиями на гальках. Однако, это, как правило, подъемные материалы, в частности, местонахождения в северной части страны (Harvati et al. 2008). Сообщается о находке отщеповых комплексов (Алонаки, Айос), а также единичных рубил в стратифицированном контексте (Коккинпилос, Ормос Одиссеос) в южном Эпире. Предполагаемый возраст этих находок оценивается примерно от 200 до 150 ТЛ (Runnels, van Andel 2003; Tourloukis 2009). Иные, как сообщается, страти-

фицированные памятники, где антропологические находки сопровождаются каменными изделиями как, например, Петралона и Апидима, изданы пока недостаточно. Имеются также сообщения о находке на о. Корфу изолированного чоппинга, предположительно связанного с отложениями, имеющими возраст около 750 ТЛ, а также о серии подъемных материалов архаичного облика на о. Крит (Mortensen 2008).

В стратиграфической колонке пещеры Козарника в **Болгарии** нижнепалеолитические артефакты связаны с литологическими слоями 14–11а, на основе богатых естественнонаучных свидетельств сопоставляемыми с нижним плейстоценом и датированными от 1,6 млн до 400 ТЛ. При этом граница обратной полярности Брюнес-Матуяма прослеживается на уровне низов слоя 11е (Guadelli et al. 2005; Fernandez, Crégut-Vonnoure 2007). В целом индустрия нижнепалеолитических слоев Козарники определяется как «неашельская» отщепово-нуклеусная. Отмечается также, что в материалах «верхней части» пачки, предшествующей границе Брюнес-Матуяма, представлены атипичные бифасы (Ivanova 2003). Исследователи высказали мнение и о том, что так называемое «протомустье» нижнепалеолитического слоя 11а (11 КИС) может быть генетическим предшественником восточнобалканского леваллуа-мустье с листовидными острями (Сираков, Гуадели 2005). Кроме стратифицированных, в Болгарии имеется несколько местонахождений с подъемными материалами предположительно нижнепалеолитического возраста (Кременете и Широка Поляна), специфика которых заключается в наличии бифасиальных форм (Ivanova 2003).

В **Хорватии** известны единичные артефакты, в том числе чоппер, сопровождаемый кромерской фауной, выявленный в нижнеплейстоценовых отложениях пещеры Шандалья I (Malez 1975).

В **Румынии** известны довольно многочисленные местонахождения нижнего палеолита, однако в большинстве своем представлены либо подъемными материалами, либо единичными находками (Chirica, Borziac 2005). В географическом ареале Северного Причерноморья находки единичных каменных артефактов в стратифицированном контексте известны в пещере Гура Доброжей (Păunescu 1999).

На сегодняшний день лишь несколько предположительных нижнепалеолитических памятников было открыто в восточноевропейской части континентальной **Украины** и на Крымском полуострове (Степанчук 2006). Некоторые местонахождения подъемных материалов Крыма представлены коллекциями, которые напоминают олдувайские комплексы, как, например, галечные изделия Гаспры, для которых предполагается принадлежность к временному интервалу между дунай-гюнцем и гюнц-минделем (Zuk 1995). Микроиндустрия еще одного крымского местонахождения – Мыс Маячный, также выглядит достаточно архаичной, благодаря специфической технологии расщепления и типологии. Имеющие более обширную аргументацию нижнепалеолитической принадлежности местонахождения Меджибож и Маслово относятся уже к миндель-риссу, но географически они находятся за пределами рассматриваемых нами географических ареалов (Степанчук та ін. 2008).

Восточный сегмент Северного Причерноморья (Кубань и соседствующие ареалы Северо-Западного Предкавказья) на территории **Российской Федерации** представлены немногочисленными, но иногда стратифицированными местонахождениями в Герасимовке, Хрящах, Цимбале и др., которые датируются разными этапами среднего плейстоцена (Любин 1998; Праслов 1984; Васильев и др. 2008). Наибольший интерес, несомненно, представляют материалы Богатырей, Родников и пещеры Треугольной (Щелинский, Кулаков 2005; Дороничев и др. 2007), представленных выразительными

сериями археологических материалов, сопровождаемых богатыми палеонтологическими коллекциями и соответственно биостратиграфическими данными.

Средний палеолит.

Известные в *Турции* среднепалеолитические комплексы в целом близки типичному мустье, поскольку характеризуются дисковидным и леваллуазским расщеплением, а иногда включают в себя небольшие бифасы, как например в Караине (Runnels, Özdoğan 2001). Караин – детальнее всего исследованный среднепалеолитический памятник Турции. Мустьерские материалы обнаружены в стратиграфических юнитах от F до I. Выявленные индустрии в целом характеризуется большим числом интенсивно ретушированных и интенсивно переформленных орудий, особенно скребел, острий, конвергентных форм (Kuhn 2002). Комплексы H и I Караина, датируемые между 120–60 ТЛ, по мнению Ж.-Л. Гуаделли и соавторов, сходны со среднепалеолитическими материалами Козарники, что может указывать на контакты между Балканами и Ближним Востоком перед стадией 5e, то есть около 200–130 ТЛ (Guadelli et al. 2005). О сходстве этих комплексов Караина и среднего палеолита Балканского полуострова пишут и другие авторы (Kuhn 2002). В то же время, по мнению исследователей этого памятника, его материалы лишь отчасти похожи на балканские, имеют, в частности, некоторую близость с XXIV–XXII слоями Чрвеной Стены, но одновременно демонстрируют значительно большее сходство с иранским средним палеолитом (Kozłowski et al. 1992).

Среднепалеолитические памятники *Греции* датируются от времени, предшествующего последнему интергляциалу, до, примерно, 28 ТЛ (Runnels, Özdoğan 2001). Среди опорных памятников назовем Коккинопилос, Аспрохалико и др. Коккинопилос (Эпир) – открытое местонахождение, с индустрией, подобной балканскому леваллуа-мустье с листовидными остриями (группа Муселиево-Самуилица). Его предполагаемый возраст – около 50 ТЛ. Низы навеса Аспрохалико датируются около 100 ТЛ (по термо-люминисцентному методу); последовательность изменения индустрий снизу-вверх: от мустьеро-леваллуа (слои 19, 18), через мустье типичное с леваллуазской техникой (слой 16), до микромустье слоя 14 (Papaconstantinou 1988). Клисура, пещерная стоянка на западе Пелопонесса, содержит весьма продолжительную последовательность горизонтов среднего палеолита (слои VI–XX a-g), непосредственно перекрываемых колонкой заселений почти всех периодов верхнего палеолита, в том числе раннего. Представительные серии материалов среднепалеолитических слоев позволяют усматривать ближайшие аналогии в материалах Аспрохалико, хотя имеются и различия, в частности в направленности изменений индустрии (Ситливый и др. 2007). Нижние горизонты Кефалари (Арголида, Пелопонесский полуостров) также демонстрируют некоторое сходство с микроиндустрией Аспрохалико (Papaconstantinou 1988). Индустрии среднепалеолитических памятников Западного Элида (Амалиас, Кастро, Киллини Лутра и др.) в целом леваллуазские, причем более древние из них – с большим числом интенсивно трансформированных скребел, в том числе угловатых, а более поздние – характеризуются преобладанием простых форм на удлиненных заготовках (Papaconstantinou 1988). К мустьеро-леваллуа с листовидными остриями и небольшим включением верхнепалеолитических форм относятся материалы местонахождений Фессалии (Runnels 1988). Из иных, более или менее информативных памятников среднего палеолита Греции, следует упомянуть Лаконис, Каламакию, Элею, Кастрицу и др.

Достаточно представительны памятники рассматриваемой эпохи в *Болгарии*. Так, в колонке Козарники это слои от 10с до 9а. Археологические слои XIV и XIII (литослои 10с и 10а) соответствуют 7–6 КИС и содержат индустрию восточнобалканского леваллуа-мустье (Guadelli et al. 2005). Материалы уже самого раннего среднепалеолитического слоя стоянки (10с) выразительные леваллуазские. Перекрывающие их XII–IX слои коррелируются с 5е, 4 и самым началом 3 КИС, а их индустрии описываются как восточнобалканское леваллуа-мустье с двусторонними листовидными остриями, аналогичное обнаруженное как в Муселиево и Самуилице, так и в Караине, в комплексах Н-I. Важную информацию дали также Бачо Киро (слои 13 и 12), которые содержат индустрии типичного мустье. Хронологически они непосредственно предшествуют, а затем и соотносятся со временем нижнего пленигляциала. В пещере Темната Дупка в Северной Болгарии исследованы мустьерские слои (10–6) в секторах TD I и TD V. Индустрия слоя VI из сектора TD II, датируемая началом интерпленегляциала, может представлять позднейшую фазу балканского леваллуа-мустье, на которой в составе каменного инвентаря появляются некоторые верхнепалеолитические признаки. Высказывается мнение, что слой VI TD II представляет собой некоторый аналог Богунисьена (Kozłowski 1992). Более ранние фазы памятника (интергляциал и начало вюрма) представлены комплексами зубчатого мустье. Колонка еще одного, часто фигурирующего в литературе памятника, Самуилицы датируется от 70 до 40 ТЛ, содержит не менее 5 слоев, в основном леваллуа-мустье, 5 и 6 из которых содержат серии листовидных острий. Дата Муселиево – мастерской по изготовлению листовидных острий – составляет около 45–50 ТЛ (Sirakova, Ivanova 1988).

Средний палеолит стран, некогда составлявших Федеративную республику Югославию, представлен несколькими десятками памятников, с материалами разной степени информативности. Лучше всего изучен средний палеолит *Хорватии*. К числу наиболее известных памятников относятся Чрвена Стена, Виндия, Крапина и др. Материалы среднепалеолитических слоев XXIV–XXII Чрвеной Стены (Basler 1975) демонстрируют сходство с Караином (Kozłowski et al. 1992). При этом возраст слоя XXIV – последнее межледниковье, что близко времени существования Караина. В индустриальном плане это мустье шарантоидного облика с техникой леваллуа (по Я. Козловскому). XXII слой с возрастом около 50–40 ТЛ содержит индустрию микромустье. Многослойная пещерная стоянка Виндия известна находками костных останков неандертальца, сопровождаемых инвентарем смешанного (среднего и верхнего палеолита) облика в слое G1 (Ahern et al. 2004). Ранее они датировались между 29–28 ТЛ по 14С (Smith et al. 1999), но сейчас их возраст уточнен с применением новых методов очистки образцов: 32 400 ± 800 (ОхА-Х-2089-06) и 32 400 ± 1,800 (ОхА-Х-2089-07) по 14С ВР (Higham et al. 2006). Стратиграфическая колонка памятника содержит как нижележащие среднепалеолитические, так и перекрывающие их верхнепалеолитические следы обитаний. Индустрия нижних среднепалеолитических слоев (относится к ресс-вюрму?) леваллуазская, в слое G3 (AMS ¹⁴С возраст – около 42 ТЛ) представлены также и двусторонние изделия. Широко известная многочисленными костными останками неандертальцев пещера Крапина, несмотря на мощную колонку отложений (около 11 м), имеет, как сообщается (Karavanic 2004), довольно узкую хронологию, которая укладывается в промежуток между концом 6 и началом 5е КИС (термо-люминисцентные даты маркируют время от 137 до 110 ТЛ). Стоянка заселялась неандертальцами как минимум дважды, а оставленная ими индустрия определяется как шарантское мустье (юго-восточный шарантген типа Крапи-

на-Ветерница; по Я. Козловскому). Сама Ветерница датируется временем 5с–5а КИС, а одновременная Крапине пачка нижних слоев Великой Печины (р-к), которые относятся к концу КИС 6 – КИС 5е, содержит так называемую «микромустьерскую» индустрию. В целом же, по данным И. Караванича (Karavanić 2004), подобные микролитические комплексы типичны для Восточной Адриатики и характерны для целого ряда открытых местонахождений Далмации (Вели Рат, Ражанач, Равни Котари и др.). Подобная каменная индустрия происходит и из пещерной стоянки Мушина Печина.

Средний палеолит *Словении* представляют многослойные пещерные памятники Беталов Сподмол (Osole 1990; 1991) и Дивье бабе I с многочисленными горизонтами залегания культурных остатков и богатым каменным инвентарем, который определяется в основном как шарантъен. Колонка Беталова Сподмола охватывает промежуток от рисс-вюрма до вюрма 1/2. Верхняя пачка слоев Дивье бабе I (с 8 по 2) датируется от 50 до 35 ТЛ и относится к среднему палеолиту. В слое 8 обнаружен костяной предмет, иногда интерпретируемый как флейта (Turk 1997), что не было подтверждено последующим анализом Ф. Д'Эррико. В литературе высказывалось также мнение о принадлежности большей части материалов Дивье бабе I к верхнему палеолиту (Brodar 1999).

Относительно Камена в *Боснии*, сообщается, что он относится к «балканскому мустье». В материалах этого памятника представлены редкие бифасы, которые напоминают Караин. Сообщается также, что палеолитические местонахождения в Боснии и Герцеговине довольно многочисленны, однако составлены в основном подъемными материалами.

Велика и Мала Баланица, обнаруженные на территории *Сербии*, определяются как шарантъен юго-восточной Европы (Mihailović 2008). Единичные находки предположительно мустьерского возраста известны в пещерах Еринина Печина (Градац), Петница, Печурски Камен, Шалитрена печина (Gavela 1988; Mihailović et al. 1997). Более многочисленны находки в пещерах Рисовача (для материалов которой предполагаются селетские аналогии), а также Висока (два нижних слоя этого памятника отнесены к среднему палеолиту). Сообщается также о находке двусторонних орудий с площадками в сопровождении скребел и леваллуазских сколов в Петроварадине, возле города Нови Сад.

Местонахождения Маллакастра, Криегьята Б, Ксара, расположенные в *Албании*, относятся, как допускается, к среднему палеолиту. Их индустрии имеют леваллуазский облик, а часть материалов, как предполагается, относится к последнему интергляциалу.

Сравнительно много среднепалеолитических местонахождений расположено в Добрудже, на участке между побережьем Черного моря и устьем Дуная в *Румынии*. Среди них абсолютно преобладают памятники зубчатого мустье: Мамайя-Сат, Пенинсула-Лумина, Овидиу-Назарчя Пештера и др.

Украина также богата среднепалеолитическими памятниками. Ранний этап среднего палеолита страны характеризуется бытованием памятников отщепового леваллуа-мустье, индустрий с листовидными остриями, возможно, зубчатых индустрий. На заключительной стадии названного этапа, кроме того, появляются индустрии с двусторонними ножами (Степанчук 2006). Однако эти материалы представлены на памятниках, географически удаленных от границ Северного Причерноморья. Для позднего (вюрмского) этапа среднего палеолита по-прежнему характер-

но наличие памятников с леваллуа-мустьерскими, двусторонними и зубчатыми индустриями (Степанчук 2006). Леваллуа-мустьерские памятники отмечены в Закарпатье, Поднестровье, Полесье, Поднепровье, на Донбассе и в Крыму. Двусторонние индустрии, наиболее многочисленные в Крыму, представлены и в других регионах. Зубчатые индустрии единичны и известны в Крыму. На этом этапе более отчетливо выражена дифференциация индустрий на уровне технокомплексов. Так, различаются индустрии с двусторонними ножами и количественно преобладающие индустрии с листовидными острями. Выразительную группу составляют леваллуа-мустьерские пластинчатые индустрии, известные по материалам Крыма, Донбасса, Поднепровья и Вольно-Подолли.

Для центрального сегмента Северного Причерноморья наиболее показательной является динамика культурных изменений на Крымском полуострове. Так, время последнего межледниковья характеризуется бытованием индустрий с листовидными острями Кабази II: V/3–VI/17 (Чабай 2004) и, возможно, зубчатой индустрией слоя VI Киик-Кобы. В дальнейшем, между 5d и 4 КИС в Крыму сосуществуют индустрии с листовидными острями и микокские индустрии с двусторонними ножами (Колосов и др. 1993; Степанчук 2006). Этап КИС 5e-5d характеризуется индустрией с листовидными острями Кабази II: III/3; а также, возможно, Заскальной V: VII и VI в Крыму (Чабай 2004; Степанчук 2006). Точное время появления в Крыму индустрий с двусторонними ножами так называемой аккайской мустьерской культуры по Ю.Г. Колосову (1986) не известно. Наиболее древние достоверно аккайские материалы Заскальной V, слой V и Заскальной VI (Колосовской стоянки), слой IV, возможно, датируются в пределах 5c-а КИС. Но основные аккайские материалы, несомненно, относятся уже к 3 КИС. В это же время в Крыму прослежено появление и дальнейшая эволюция леваллуа-мустьерских индустрий, в их отщеповой (Шайтан-Коба I, Шайтан-Коба IV, Алешин Грот, слой 2) и пластинчатой (Кабази II, слой II) разновидностях. В целом средний палеолит может доживать в Крыму до 23–24 ТЛ.

Средний палеолит Кубани и Северного Кавказа в границах *Российской Федерации* представлен рядом многослойных памятников как пещерных, так и открытых. Среди них: Ильская I и II, Баракаевская, Монашеская, Мезмайская, Матузка и др. (Любин 1994; Беляева 1998; Щелинский, Кулаков 2005б; Голованова и др. 2006). В хронологическом отношении большая часть из них принадлежат к отрезку времени от последнего межледниковья до середины 3 КИС. В индустрийном отношении многие из названных комплексов представляют собой типичное мустье, а также так называемый «восточный микок», правда, практически лишенный типичных собственно микокских (в понимании Г. Бозинского) скребел-ножей с площадками. Фактически все «восточномикокские» памятники региона относятся к кругу индустрий с листовидными острями, находящих аналогии, среди прочего, в уже охарактеризованных материалах Крымского полуострова.

Ранний верхний палеолит (РВП)¹.

Большинство памятников РВП *Турции* сосредоточено в районе Босфора на черноморском побережье и напоминают бачокирьен или так называемый балканский протоориньяк (Runnels, Özdoğan 2001). РВП материалы анатолийского памятника

¹ В последнее время в печати появилось несколько монографических работ, содержащих детальные данные по некоторым наиболее значимым ранним верхнепалеолитическим стоянкам Балкан, а также анализ их материалов (Аникович и др. 2007; Вишняцкий 2008).

Караин В содержат острия кремс и пластинки дюфур и, как полагают, сходны с верхнепалеолитическими материалами пещеры Клисуре в Греции (Noiret 2005). Территориально более удаленные памятники, как, например Учагизли, рассматриваются как инициальный (начальный) верхний палеолит (Kuhn et al. 2004), который находит целый ряд параллелей в эмиране Бокер Тахтита, Кзар Акила (слои XXV–XXI) и других стоянок Ближнего Востока.

Комплексы РВП *Греции* представлены в первую очередь пещерой Клисуре на Пелопонесском полуострове. По данным исследователей, слой IV этого памятника содержит индустрию, базирующуюся на отщеповых заготовках, не имеющую пластинок дюфур, но с большим числом скребков карене (Koumouzelis et al. 2001). Этот, как считается, ориньякский слой датируется около 34–32 ТЛ и перекрывает горизонт с индустрией слоя V, находящейся в прямых аналогиях в итальянском культурном явлении улуццо и датированной более 40 ТЛ по ^{14}C . Еще один пещерный памятник Лаконис I, слой Ia представлен инициальной верхнепалеолитической индустрией, весьма сходной с ближневосточным и центральноевропейским начальным верхним палеолитом (Narvati et al. 2003). При этом подчеркивается ее автохтонное происхождение от локальной среднепалеолитической подосновы (Panagoroulou et al. 2006).

Ранневерхнепалеолитические памятники *Болгарии* длительное время были представлены только пещерами Бачо-Киро, слой 11 (Kozłowski 1982) и Темната, сектор TD I, слой 4 (Kozłowski et al. 1994). Материалы этих комплексов датируются в рамках около 45–50 ТЛ (согласно АМС датировкам – на уровне около 38–39 ТЛ), в них отсутствуют ориньякские пластины и микроострия. Балканские индустрии типа Бачо-Киро, слой 11 (так называемый «бачокирьен») традиционно оценивались как преориньяк (Kozłowski, Otte 2000), но в настоящее время эта точка зрения пересматривается. Предлагается относить бачокирьен к кругу инициальных верхнепалеолитических индустрий (ИВП) (Tsanova, Bordes 2003; Rigaud, Lucas 2006; Teyssandier 2007), близких, с одной стороны, ближневосточным переходным индустриям типа Бокер Тахтита, Учагизли и Кзар Акила, а с другой – центральноевропейским и восточноевропейским индустриям типа Богунице и Кременца (Tsanova, Bordes 2003; Kozłowski 2005–6). Типичный ранний ориньяк представлен в Бачо-Киро (слои 9, 7, 6–b), а также в Темнате (слои 3g–3h). Эти индустрии богаты скребками, резцами и ретушированными пластинами, с многочисленными формами карене и с носиком, средними и карене резцами, а также пластинками дюфур (Kozłowski 1992). Важную новую информацию дают в последние годы горизонты пещеры Козарника. Ее древнейшие верхнепалеолитические материалы (пока недостаточно информативные) встречены в слое VIII. По сумме естественнонаучных данных и абсолютных датировок (42.700±1000 (GifA101052) и 43.600±1200 (GifA101051)) этот слой может быть сопоставлен с первой половиной КИС 3 (Guadelli et al. 2005; 2005b; Fernandez, Crégut-Vonnoure 2007). К этой же стадии относится и VII слой, датированный около 39–36 ТЛ и содержащий развитую пластинчатую индустрию. Эта, так называемая *козарницкая* (Kozarnikien), индустрия представляет собой совершенно новое для Балкан явление РВП, которое находит территориально удаленные аналогии в древнем ахмариене Ближнего Востока и в протоориньяке юга Западной Европы (Tsanova 2006; Bordes et al. 2008).

Индустрия с листовидными двусторонними остриями, аналогии которой усматривают в селете, выявлена в пещере Рисовача, в *Сербии* (Gavela 1988). РВП индустрии, возможно, представлены в навесе Малишина Стиена, в Северной Черногории.

Фактически единственная стоянка РВП *Хорватии* – это пещера Шандалья II с несколькими ориньякскими горизонтами, нижние из которых датируются около 28 ТЛ по ¹⁴C (Karavanić 2003).

Согласно последним данным, ранний верхний палеолит в крайнем восточном сегменте Большого Средиземноморья, а именно на современной территории *Российской Федерации* в зоне Северного Предкавказья появляется около 34–33 ТЛ. Индустрии Мезмайской пещеры (и близкие ей, но территориально удаленные Ортвала-Клде и Дзудзуана) не имеют местной подосновы, демонстрируют безусловные черты сходства с ранним ахмариеном Ближнего Востока, и характеризуются, по-видимому, соответствующим происхождением (Голованова 2008; Golovanova et al. 2006; Var-Yosef et al. 2006). Как полагают, уже сама локализация ранних верхнепалеолитических памятников на Северо-Западном Кавказе, непосредственно близ границ географического ареала Северного Причерноморья (Мезмайская, Короткая), указывает на достаточно раннее проникновение в этот регион пришлых групп людей современного физического облика. Вторая разновидность индустрий памятников РВП этой территории может определяться как ориньяк (Каменноостская пещера). Возможность параллельного развития двух разновидностей РВП, в принципе, допускается для других областей Кавказа (см. данные по Апианче: Nioradze, Otte 2000). Впрочем следует отметить, что единая точка зрения на индустрийную принадлежность памятников РВП Кавказа пока не выработана и в настоящее время активно дискутируется (см. напр. Otte 2006; Golovanova et al. 2008).

Ранние верхнепалеолитические памятники *Украины* в зоне Северного Причерноморья представлены крымскими памятниками Буран-Кая III и Сюрень I² (Чабай 2000; Demidenko, Otte 2000–2001), нестратифицированными находками в пещере Ильинка, местонахождениями подъемных материалов Зеленый Хутор I и II в степях Нижнего Приднестровья (Сапожников 1994), двухслойным памятником Мира (Степанчук и др. 2004) и стоянкой Ворона III (Нужный 1994) в бассейне Нижнего Днепра, а также целым рядом менее выразительных комплексов, собранных на поверхности.

Слой Буран-Кая III, с датой около 32 ТЛ по ¹⁴C, представляет собой еще один пример архаического или симбиотического РВП, аналогии которому усматриваются в селетоидных индустриях Поднестровья, Подунавья и Подонья. К этой же разновидности РВП, но с прямыми аналогиями в городцовских комплексах Костенковско-Боршевского района относится индустрия верхнего слоя Миры с серией абсолютных дат около 27 ТЛ. Материалы Сюрени I, датируемые около 28 ТЛ по ¹⁴C, ряд горизонтов (6.6–6.3) Буран-Кая III, а также два выразительных комплекса Зеленого Хутора и Ворона III могут быть в целом отнесены к ориньяку, хотя об их синхронности и конкретной датировке речь не идет. В числе ранних верхнепалеолитических индустрий на более удаленных к северу территориях Восточноевропейской равнины, в пределах Украины, можно указать на Высь (Залізняк 2008), и Кулычивку (Степанчук, Коен 2002). Они имеют базовые аналогии, соответственно, со стрелецкой и богуницкой индустриями.

² У авторов статьи нет единого мнения относительно датировки и культурной интерпретации материалов нижнего слоя Сюрени I, который И.В. Сапожников относит к среднему уровню средней поры верхнего палеолита (около 20–19 ТЛ), а его индустрию определяет как эпиориньяк (см. ниже, а также: Сапожников 2002; 2005).

Чтобы краткая характеристика РВП Северного Причерноморья была более полной, следует сказать о том, что ориньяк доживает здесь примерно до 28 ТЛ, а граветт (нижний слой Миры и горизонты 6.2–6.1 Буран-Каи III) представлен пока только ранними фациями (примерно от 28 до 25 ТЛ). Впрочем, в смежных с этим регионом областях Украины исследовано немало выразительных граветтских комплексов: на известных молодых стоянках Среднего Днестра, на Владимирской стоянке (слои 8 и 7) в бассейне Южного Буга и др. Из памятников, выявленных сравнительно недавно, выразительные граветтские комплексы представили Галич I (Ситник та ін. 2005) и Троянове 4 (Залізняк та ін. 2007). В целом известные граветтские индустрии юга Восточной Европы датируются в интервале примерно от 28 до 22 ТЛ (Сапожников 2006).

Здесь уместно сказать о том, что на Балканах также присутствует выразительный граветтский эпизод с абсолютными датами около 29–21 ТЛ. В Боснии это Кадар, IN/2с; в Греции – Аспрохалико, 10; Франчти, фазы II–III и Кастрица, 21/9; а в Болгарии – пещера Темната, VIII (3d и 3dbase), VII–V и др. (Kozłowski et al. 1994; Djindjan et al. 1999: 195–197; 378–380, 414–415). На наш взгляд, в круг этих памятников следует включить еще одну болгарскую стоянку Чучура (Орфей I) в Родопах (почти на границе с Грецией), которая традиционно характеризуется исследователями как эпиграветтская (Ivanova 1987). К сожалению, для нее нет абсолютных дат, но веские основания для передатировки этого комплекса в сторону удревнения дают прямые и четкие аналогии с инвентарем стоянки Галич I в Западной Украине (Ивано-Франковская обл.), возраст которой около 25–23,5 ТЛ маркируется пятью датами по ¹⁴C (Ситник та ін. 2005).

Средняя (22–16,5 ТЛ) и заключительная (16,5–10,3 ТЛ) поры верхнего палеолита.

Как уже отмечалось выше, для времени среднего и заключительного верхнего палеолита, по крайней мере Северного Причерноморья, была характерна иная, отличная от более ранних периодов каменного века, стратегия освоения территории древними коллективами, направленная на более широкое заселение и использование открытых степных равнин и долин мелких рек. Очевидно, что такие изменения следует связывать со значительным увеличением плотности населения, которая в конечном итоге выразилась и в значительном числе выявленных и исследованных памятников, более или менее равномерно распространенных по всей территории данного региона. Именно поэтому на юге Восточной Европы, в частности, в Северном Причерноморье, для этого промежутка времени (примерно от 22 до 10 ТЛ) удалось проследить и обосновать полную хронологическую культурно-индустриальную последовательность, которая базируется на детальной геохронологической шкале (Сапожников 2004) и обоснована материалами нескольких десятков многослойных и однослойных стоянок, расположенных на территории Украины и отчасти Российской Федерации (Сапожников 2006; и др.). Сегодня она выглядит следующим образом (см. ниже), но здесь необходимо подчеркнуть, что из включенных в нее памятников надежнее других абсолютными датами и методами геостратиграфии датированы Сагайдак I, Амвросиевка (стоянка и костыще), Анетовка II, Большая Аккаржа, Каменная Балка I и II (Сапожников 2003), грот Скалистый (Cohen et al. 1996), а также ряд слоев стоянки Владимировка (Сапожников 2005a) и Рашков VII (Сапожников и др. 2007).

Нижний уровень средней поры (22–20 ТЛ): Сагайдак I (нижний слой), Мураловка, Золотовка I, Михайловская Балка и др., а также Гордашовка I и Владимировка (6-й слой) за пределами региона.

Средний уровень средней поры (20–18 ТЛ): Ранняя группа: Анетовка I, Ивашково VI, Сюрень I (нижний слой), а также Рашков VII и Лапушна; Поздняя группа: Большая Аккаржа, Анетовка II, Амвросиевка, Кайстровая Балка VI, Ворона III (верхний слой), Сюрень I (средний слой), а также Владимировка (5-й слой),

Верхний уровень средней поры (18–16,5 ТЛ): Ямы, оба слоя Федоровки, Вознесенка IV (основной слой), Каменка, Осокоровка I: II–III, Каменная Балка II (нижний слой), Сюрень I (верхний слой) и др., а также Калфа, Владимировка (4-й слой) и Срединный Горб.

Нижний уровень заключительной поры (16,5–15,0 ТЛ): Говоруха, Миньевской Яр, Нововладимировка II, Дмитриевка (верхний сл.), Каменная Балка II (средний слой), грот Скалистый: 7, Вишенное II: Б2-В, а также Владимировка (3-й и 2-й слои),

Средний уровень заключительной поры (15,0–13,0 ТЛ): Чобручи, Янисоль, Висла Балка, Кайстровая Балка I–III, Пидпорижний II, Любимовка I, III, IV, Сомова Балка, Первопокровка I, Михайловка II, Каштаева Балка, Юрьевка I, Украинка I, Соленое Озеро (VI, IX, IX-а и др.), Рогалик VII, Каменная Балка I, Каменная Балка II (верхний слой), Каменная Балка III, грот Скалистый: 6–4, Вишенное II: А-Б1, Сюрень III (нижний слой), а также Владимировка (1-й слой).

Верхний уровень заключительной поры (13,0–10,3 ТЛ): Михайловка (Белолесье; средний и верхний слои), Царинка, Леонтьевка, Сурской V, Васильевка-Прогон, большинство стоянок Рогаликско-Передельского узла памятников, грот Скалистый: III-3, III-2, II и I, Сюрень II (нижний и верхний слои), Буран-Кая, Замиль-Коба (нижний слой), так называемые «азильские» слои Шан-Кобы, Мурзак-Кобы, Фатьма-Кобы и др.

Каменные инвентари памятников, включенных в большинство уровней данной хронологической колонки, обладают определенной суммарной культурно-типологической спецификой. Так, все без исключения комплексы нижнего уровня средней поры являются эпиориньякскими (ниж. сл. Сагайдака I, Мураловка, Золотовка I, Михайловская Балка, а также Гордашовка I). Индустрии среднего уровня ранней поры довольно четко делятся на две группы. К первой относятся Анетовка I, Ивашково VI, ниж. сл. Сюрени I, а также Рашков VII и Лапушна (в Молдове) и Пояна Роман (в Румынии). Их специфика определена термином граветтоидный эпиориньяк. Вторая группа представлена Большой Аккаржей, Анетовкой II, Амвросиевкой, Кайстровой Балкой VI, верхним слоем Вороны III и средним слоем Сюрени I. Каменные индустрии этих стоянок граветтоидные с довольно незначительными, но гомогенными эпиориньякскими чертами. Речь может идти о своеобразной фации раннего эпиграветта – так называемом ориньякоидном эпиграветте. Для верхнего уровня средней поры Северного Причерноморья зафиксировано существование только эпиграветтских индустрий, в которых ориньякские черты практически полностью отсутствуют. Это – Ямы, оба слоя Федоровки, Вознесенка IV, Дмитриевка, Калфа, Каменка, Антоновка III, верхний слой Сюрени I (кроме азильских мест обитания) и др.

Такую же самую характеристику имеют все комплексы, отнесенные к нижнему и среднему уровням заключительной поры, но в ее верхнем уровне ситуация меняется, так как для времени от 13,0 до 10,3 ТЛ (то есть, до начала голоцена) во всем

регионе известны лишь финальноэпиграветтские комплексы, для которых характерны геометрические микролиты, постепенно вытесняющие в наборах микроинвентаря эпиграветтские формы. На юго-западе степей и в Крыму преобладают сегменты и треугольники, трапеции редки (шан-кобинская АК). В других районах региона наоборот преобладают крупные трапеции, чаще с ретушированными верхними основаниями (рогаликско-царинковская АК). Характерной особенностью Крымского полуострова является присутствие нескольких свидерских комплексов, датированных, скорее всего, дриасом-III (Сапожников 2006).

Дальнейшие работы авторов статьи и других специалистов по применению упомянутой геохронологической шкалы к памятникам верхнего палеолита всей территории Украины, на наш взгляд, продемонстрировали ее рабочий характер и достаточно высокую эффективность (Stepanchuk et al. 2009).

Характеристику памятников среднего и заключительного этапов верхнего палеолита Балканского полуострова значительно упростило для нас существование обобщающей работы Я. Козловского и М. Качановской, в которой обоснована четкая эпиграветтская последовательность для времени последнего ледникового максимума и позднеледникового (около 22–10 ТЛ) не только для территории всего Балканского полуострова, но и Анатолии. Там также выделяется особая фаза довольно широкого бытования индустрий с геометрическими микролитами (преимущественно сегментами), начало которой отнесено примерно к 12 ТЛ. Важно, что аналогичные памятники Балкан, Анатолии, юга Италии и бассейна Нижнего Дуная авторы включили в единую область так называемого позднего эпиграветта вместе с «азильскими» комплексами Крымского полуострова, в которую, однако, не входят синхронные комплексы Ближнего Востока и Закавказья³. Хотя в данной работе не атрибутирована особая фаза развития верхнего палеолита, представленная эпиориньякскими индустриями, специально подчеркивается, что наиболее позднее проявление ориньяка на Балканах связано с материалами уже упомянутой Клисурь (слои III и ба), которые можно датировать до и после 23 ТЛ, по возрасту слоя, залегающего между ними (Kozłowski, Kaczanowska 2004).

Сказанное демонстрирует существование очень близких культурно-исторических процессов и хронологии их основных событий для времени средней и заключительной пор верхнего палеолита в двух рассматриваемых нами регионах.

Обсуждение.

Как было показано выше, в эпоху нижнего палеолита обе территории представляли собой транзитные зоны, по которым коллективы ископаемых гоминид продвигались, осваивая новые территории. Учитывая то, что двигались они с африканского континента, естественным посредником между последним и Евразией выступает Ближний Восток. Некоторые из ближневосточных нижнепалеолитических памятников являются ключевыми для современных интерпретаций времени и обстоятельств первых массовых исходов из Африки. Хотя и высказывается мнение о том, что инвентари модели 1 представляют собой не более чем поведенческую фацию ашель-

³ Данное утверждение польских ученых не очень хорошо согласуется с рядом фактов. Из них назовем только несколько неожиданные, но почти прямые аналогии между упомянутыми комплексами Крымского полуострова, Северо-Западного Причерноморья (Михайловка-Белолесье) и значительной частью подъемных материалов некоторых местонахождений Южного Пакистана (в районе г. Карачи) – Mulri Hills 12, 18 и др. (Biagi 2003-2004), которые, к сожалению, не имеют четких датировок.

ского индустриального комплекса (Clark, Schick 2002), тем не менее, общепринято рассматривать галечно-отщеповый комплекс Убейдии как эпизод первой волны расселения, а Гешер Бенот Я'аков, датировый около 800 ТЛ, как пример второго эпизода раннего «исхода», в этом случае населения, практиковавшего изготовление рубил (Bar-Yosef 1994; Goren-Inbar 2000).

Учитывая тяготение наиболее древних памятников к зонам морских побережий и предгорьям, не удивительно, что и Балканы, и Северное Причерноморье доставляют свидетельства раннего проникновения человека. Наиболее древние местонахождения в рассматриваемых регионах зафиксированы на Тамани (Российская Федерация) и в Козарнике (Болгария). В обоих случаях речь идет об индустриях модели 1 (олдованской), возраст которых превосходит 1,2–1,4 млн лет. Иные местонахождения, в том числе и на территории Украины, имеют различный возраст, подтвержденный естественнонаучными данными, или предполагаемый, от 1 млн до 400 ТЛ. Пространственное распределение наиболее древних индустрий не дает возможности отдать однозначное предпочтение какому-либо единственному направлению расселения гоминоид времени первой волны массовых миграций из Африки. В настоящий момент, учитывая отсутствие памятников, возраст которых превышает 1 млн лет на территории Анатолии, обнаружение Дманиси (1,6–1,8 млн), а также недавно открытые многочисленные древние местонахождения в Дагестане (Амирханов 2007; Деревянко, Шуньков 2009; Anokin 2008), предпочтительнее выглядит вариант заселения Восточной Европы (включая Северное Причерноморье) и Южной Европы (Балканы) – с востока, со стороны Кавказа и Предкавказья. В этом случае уже Северное Причерноморье могло выступать в качестве «коридора» для заселения Балкан, а также областей Центральной Европы.

Как представляется, заселение территории в нижнем палеолите имело характер многократного пионерного освоения ареалов с богатыми и предсказуемыми биологическими и минеральными ресурсами небольшими группами пришлого населения, с крупными хронологическими лакунами между отдельными эпизодами заселения. Не может идти речь о продолжительном непрерывном заселении, и, следовательно, о преемственности населения и традиций. Поэтому предполагаемая траектория расселения: Ближний Восток – Кавказ – юг Восточной Европы – Юго-Восточная Европа – выглядит лишь как один из вариантов реконструкции реальных событий на этапе первой волны заселения Евразии, более предпочтительный на сегодня, благодаря имеющейся комбинации доступных фактов. Так, к примеру, преобладание на территории Анатолии, Балканского полуострова, и юга Восточной Европы памятников с «нуклеусо-отщеповым» инвентарем не исключает и «балканский» вариант продвижения носителей технологий модели 1 с Ближнего Востока в Европу (Степанчук 2006).

Древние памятники с индустриями технологической модели 2 (индустрии с рубилами) многочисленны в Западной Европе (Santonja, Villa 2004) и присутствуют на Кавказе (Любин 1998; Любин, Беляева 2006). Их редкость и более поздний возраст на Балканах и практическое отсутствие в Восточной Европе, возможно, свидетельствует о том, что раннего массового проникновения носителей ашельских индустрий через Балканы, вероятнее всего, не было. Появление на Балканах местонахождений с рубилами относится ко времени не древнее миндель-рисса (Runnels, van Andel 2003; Dinçer, Slimak 2007), а на юге Восточной Европы они вообще отсутствуют (Степанчук 2006; Дороничев и др. 2007). Это резко контрастирует с территориями к

востоку и западу. Таким образом, на этом этапе вновь достаточно выразительно проявляется сходство динамики культурного развития на Балканах и в Северном Причерноморье.

Первая половина среднего палеолита недостаточно охарактеризована материалами и памятниками. Ситуация, как в Украине и Российской Федерации, так и на Балканах меняется для второй половины этого этапа, после последнего межледникового. Складывается общее впечатление, что с этого момента культурная динамика значительно ускоряется, диверсифицируется и усложняется. Это вполне объяснимо с позиций демографических и культурных процессов общества неандертальцев: увеличение числа памятников отражает рост численности населения, но социальные процессы в этом обществе характеризуются локальностью и замкнутостью (Gamble 1999). Пространственная ограниченность и автохтонность культурной динамики среднего палеолита естественно отражается в наблюдаемой мозаичности его проявлений на Балканах и в Северном Причерноморье.

Общая картина варибельности среднепалеолитических материалов Балкан была систематизирована Я.К. Козловским и дополнена С. Ивановой (Ivanova 1979). Она базируется в первую очередь на противопоставлении индустрий богатых скреблами и леваллуазских индустрий, иногда обогащенных листовидными острьями. Подобные культурно-типологические дефиниции, разумеется, с теми или иными терминологическими вариациями, и, несколько разнящимися группировками памятников, различаются и другими специалистами, занимавшимися анализом региональных материалов (см. напр. Евтушенко 1995; Papaconstantinou 1988; Rolland 1991). Так, например Э. Хиггс выделяет в Эпире (Греция) мустьеро-леваллуа (низы Аспрохалико), микромустье (верхи Аспрохалико, Агиос Георгиос), леваллуа с листовидными острьями, где также часты острыйные и двойные конвергентные формы (Коккинопилос, Морфи). Н. Ролланд пишет о мустье с листовидными острьями (Рисовача, Градац, Самуилица, Муселиево, Коккинопилос), восточном шаранте (Крапина, Ветерница, Виндия), мустье типичном нелеваллуазской (Аспрохалико) и леваллуазской (Крапина, Чрвена Стена, Бачо-Киро) фаций и др.

Характерными особенностями балканского среднего палеолита являются, таким образом, две черты: широкое распространение индустрий с листовидными острьями и не менее широкое распространение леваллуазской техники. Важно, что на Балканах не известны типичные для Крыма микокские инвентари. Но, с другой стороны, Северное Причерноморье, в самом обобщенном виде, также может описываться как территория с широким распространением индустрий с листовидными острьями и не менее широким распространением леваллуазской техники. Собственно микокские индустрии в этом регионе не являются его лицом. В последнее время появляется много данных о том, что многие микокские памятники (или группа keilmesser) Центральной и Восточной Европы имеют сравнительно поздний возраст. Не исключено, что собственно микокские индустрии Крыма (аккайские памятники) представляют собой эпизод проникновения на эту территорию групп, оттесненных с севера ухудшением климатических условий 4 КИС. Также инородными выглядят в Крыму леваллуа-мустьерские индустрии, появляющиеся тут в 4 КИС. Для них предполагается либо балканское (Колосов 1986), либо днестровское (Чабай 2004) происхождение. Следует подчеркнуть, что локальные леваллуа-мустьерские индустрии неоднородны и распадаются на две фации (Степанчук 2006). Одна из них (представленная материалами Кабази II: II) характеризуется большим числом удлиненных

заготовок, плоскостным бипродольным расщеплением и находит определенные технические и типологические параллели в ближневосточном пластинчатом среднем палеолите (Монигал 2001), в том числе в материалах его позднего этапа, датирующегося около 45–40 ТЛ. Крымские индустрии с листовидными остриями, напротив, широко представлены в промежутке 5е-3 КИС. Что касается восточной окраины ареала Северного Причерноморья, то здесь, в особенности в Прикубанье, на протяжении вюрма также доминируют индустрии с листовидными формами. На территории Румынии и Молдовы более представлены различные фации леваллуа-мустье, хотя также повсеместно представлены индустрии с листовидными формами; особый феномен составляют зубчатые индустрии этого региона (Анисюткин 2001).

Предполагают, что между 300 и 50 ТЛ, во время 8, 6 и 4 изотопных стадий, имело место движение из Европы в Западную и, возможно, Центральную Азию (Kozłowski 2005b). Согласно мнению этого автора, по крайней мере, часть памятников межледникового времени (например, Чрвена Стиена, слои XXIV) сходна с Южной Анатолией (Караин). Затем картина меняется. Перед первым пленигляциалом вюрма сюда перемещаются мустьеро-леваллуазские индустрии севера Европы и на Балканах образуется континуум однородных индустрий от леваллуа-мустье до типичного мустье, обогащенного скреблами. В начале интерпленигляциала в некоторых из них появляются листовидные острия (Самуилица, Муселиево). Нет признаков связей с Анатолией и Ближним Востоком. Изложенное представление о динамике изменений в регионе, по-видимому, не вызывает особых возражений у других исследователей. С другой стороны, появляются новые факты, заставляющие пересматривать некоторые моменты. Так, в материалах так называемого «протомустье» Козарники представлены формы, которые позволяют исследователям памятника рассматривать эти материалы как подоснову балканского среднего палеолита с листовидными остриями.

В целом, и Балканы, и Северное Причерноморье на этапе среднего палеолита характеризуются широким распространением индустрий с листовидными остриями. Эти индустрии, конечно, достаточно разнообразны, но, вместе с тем они отличаются от тех, что можно назвать собственными микококскими индустриями или индустриями с двусторонними ножами. Как представляется, юг Восточной Европы, начиная с рисс-вюрма, был широко освоен носителями таких индустрий. Их происхождение не ясно, и в связи с этим интерес представляют предполагаемые истоки подобных индустрий в колонке Козарники. В целом, следует признать, что идея К. Валоха (Valoch 1968) о среднем палеолите с листовидными остриями, как явлении сходном, но не идентичном с микоком, по-прежнему актуальна.

Среднепалеолитические материалы Козарники в частности, и Балкан в целом находят, по мнению некоторых исследователей, сходство в памятниках азиатской Турции, которые, в свою очередь, сходны с азиатскими и ближневосточными материалами (Kozłowski et al. 1992; Kuhn 2002; Guadelli et al. 2005). В контексте нашей темы важно подчеркнуть вероятность того, что Северное Причерноморье, южные и восточные Балканы, и, видимо, западная Анатолия, между 5е-3 КИС составляют юго-восточный сегмент более обширного ареала распространения индустрий с листовидными остриями.

Если среднепалеолитические индустрии с листовидными остриями, возможно, представляют собой результат европейского генезиса, то некоторые леваллуа-мустьерские материалы, известные, например, в Крыму, представляются инородными,

учитывая данные по их хронологии и отсутствию предшественников. Не исключено, следовательно, что они могли проникать сюда извне, причем частично – учитывая их ближневосточные аналогии – через территорию Балкан.

В целом, для леваллуа-мустьерских индустрий Восточной Европы предполагаются юго-западное, а именно балканское происхождение (Гладилин 1985). Если согласиться с таким предположением и учесть, что на Балканах отсутствует домустьерская подоснова леваллуа-мустье, то поиск истоков таких индустрий в конечном итоге закономерно приводит нас на Ближний Восток. Версия о постоянной диффузии и подтоке среднепалеолитического населения в направлении Европы и, вероятно, *vice versa*, в Азию, поддерживается обилием леваллуа-мустьерских памятников на территории Турции и Греции. Помимо этого, предположение о юго-западном, как минимум, балканском происхождении леваллуа-мустьерских индустрий юга Украины находится в относительном согласии с данными антропологии и генетики.

Существует мнение, что первоначальное расселение анатомически современного человека (АСЧ) в Африке происходило во время гипераридного эпизода примерно 135–75 ТЛ. Обширная экспансия АСЧ в северную Евразию коррелируется с Н6 (Хайнрих 6) эпизодом, 60–50 ТЛ (Dolukhanov 2009; Mellars 2006) или с GI 12 (Гренландский интерстадиал 12), менее 48 калиброванных ТЛ (Hoffecker 2009).

Длительное время имеющиеся источники позволяли находить аргументы в пользу мнения о внеевропейских истоках ориньяка, следовательно, о необходимости его проникновения в Европу, в том числе и через Балканы, по Дунайскому коридору (Conard, Volus 2003; Kozłowski, Otte 2000). Сторонники ближневосточного генезиса европейского ориньяка полагают, что ориньяк распространялся из Ирана (Яфтех, Варвази) через Кавказ (Апианча и др.) в Крым и далее на Украину и в Молдавию (Otte 2006), иными словами, речь идет о заселении восточноевропейской равнины человеком современного физического облика с востока, а не с юга и юго-запада. Правда, не исключается и его продвижение в Северное Причерноморье через (или с) Балканский полуостров (Noiret 2005).

С другой стороны, представления о внеевропейском происхождении ориньяка сейчас активно пересматриваются. Одна из последних моделей увязывает происхождение этого явления с Европой, и в этом случае может идти речь об обратном движении из Европы на Ближний Восток (Kozłowski 2005b). Предполагается, что ориньяк мог сложиться в Средней Европе на основе инициальных верхнепалеолитических индустрий линии развития эмиран-ахмариен. В этом случае богунецкая и кременецкая индустрия, как ближайший аналог ближневосточного эмирана, предположительно оценивается как продукт деятельности *Homo sapiens* (Степанчук 2006; Hoffecker 2009). Указания на продвижения носителей инициальных верхнепалеолитических индустрий, близких эмирану, фиксируются в Анатолии (Учагизли), на Балканах (Бачо-Киро) и, далее, в Центральной (Богунце) и Восточной (Кулычивка) Европе. В Северном Причерноморье подобные индустрии отсутствуют. Все названные памятники и их аналоги, в случае наличия надежных датировок, относятся к узкому хронологическому промежутку 45–40 ТЛ.

Особо подчеркивается, что протоориньяк Большого Средиземноморья имеет паневропейское распространение, хронологическое положение и индустриальный облик, близкий раннему ахмариену Леванта, который предположительно сформировался на базе местного эмирана (Teuysander 2007). Таким образом, речь идет о втором эпизоде продвижения анатомически современного человека в Европу, датируе-

мом около 40 калиброванных ТЛ (Hoffecker 2009). Следы этого продвижения фиксируются на Балканах, в Центральной и Западной Европе и датируются вскоре после 40 ТЛ. Несколько более позднее продвижение ахмариена фиксируется для Кавказа, и эта траектория движения людей современного физического облика достигает восточной окраины Северного Причерноморья (Мезмайская).

подавляющее большинство исследователей не сомневается в принадлежности носителей эмирана, ахмариена, протоориньяка, ориньяка и других инициальных и ранних верхнепалеолитических индустрий анатомически современному человеку. Больше вопросов возникает в связи с антропологической принадлежностью изготовителей индустрий так называемого селетского (селетоидного) круга. Эти индустрии, объединяющие технологические и типологические черты среднего и верхнего палеолита, представлены рядом памятников в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. Их происхождение увязывают с предшествующими локальными среднепалеолитическими индустриями с листовидными острьями. В настоящее время имеется тенденция возврата к точке зрения К. Валоха, относившего носителей таких индустрий к неандертальцам, хотя надежные антропологические свидетельства до сих пор отсутствуют. Так или иначе, подобные материалы присутствуют в рамках Балкан и Северного Причерноморья (Виндия, Рисовача, Буран-Кая III: С) и это вновь свидетельствует о сходных элементах культурной динамики в ареале на этапе раннего верхнего палеолита.

Говоря об отмеченной выше близости и даже почти полной аналогичности культурного развития Северного Причерноморья и Балканского полуострова на протяжении средней и заключительной поры верхнего палеолита, следует хотя бы кратко остановиться на проблеме выделения так называемой эпиориньякской фазы, памятники которой датируются в первом из них около 22–20 ТЛ. Необходимо подчеркнуть, что существование данной фазы в степях Причерноморья и Приазовья было поддержано Н. Цвинсом (Zwyns 2004). О наличии выразительных и отчасти хорошо датированных эпиориньякских комплексов в Молдове и Румынии мы упоминали выше (Рашков VII, Пояна Роман и др.), но и там такая фация до сих пор не выделяется местными палеолитоведами (Borziac 2008). В то же время аналогичное явление не менее обоснованно атрибутировано в более удаленной Моравии (Oliva 1996). Примечательно, что индустрии такого типа до сих пор не выявлены на Кавказе. Данный факт может свидетельствовать в пользу гипотезы Я. Козловского и М. Качановской о некоторой специфике памятников среднего и заключительного этапов верхнего палеолита этого региона (Kozłowski, Kaczanowska 2004), но точно также отражать степень его изученности.

На протяжении многих лет культурные процессы в Северном Причерноморье для времени от 22 до 10 ТЛ, а точнее, до появления более или менее выразительных культурно-технологических явлений, объяснялись миграциями населения из разных соседних регионов, в том числе, и с Балканского полуострова (В. Хмелевский, М.Д. Гвоздовер, В.Н. Станко, Н.Б. Леонова, А.А. Яневич, Е.В. Миньков, Н.П. Оленковский и др.). Однако, исходя из сказанного ранее, единственной миграцией, зафиксированной методами археологии, можно признать пока только появление свидерского населения в Крыму уже в финальном верхнем палеолите (Залізняк, Яневич 1987). Гипотетической остается миграция обладателей населения так называемого «древнесредиземноморского антропологического типа» в Днепровское Надпорожье

(Волошский могильник), также во время заключительной поры позднего палеолита (Кондукторова 1973).

Выводы.

Балканский полуостров часто определяется как преддверие Европы или мост к ней. Учитывая его географическое положение, и, как полагают, африканские корни всех форм гоминид, когда-либо заселявших Европу, полуостров, несомненно, служил в качестве одного из основных транзитных коридоров соединяющих два материка. Балканы определяются и как «перекресток». Действительно, палеолитические группы, попавшие на полуостров, в своем дальнейшем расселении могли продвигаться в разных направлениях, в том числе и на северо-восток, а именно в Северное Причерноморье.

Как демонстрируют источники, на этапе нижнего палеолита и Балканы, и Северное Причерноморье представляли собой важные коридоры расселения древних гоминид. Направление и время продвижений может трактоваться по-разному, однако рассматриваемые ареалы, несомненно, демонстрируют сходную и синхронную динамику культурных изменений, несмотря на небольшую плотность населения и очевидное отсутствие контактов между отдельными анклавами.

Для среднего палеолита характерно значительное увеличение численности памятников, что отражает также и рост численности населения. В свою очередь это означает интенсификацию различного рода контактов и разнонаправленных передвижений населения. Это время характеризуется и значительным усилением варибельности каменных инвентарей, и в то же время, бытованием крупных ареалов, в пределах которых располагаются принципиально близкие памятники. Северное Причерноморье и Балканы в этот период характеризуются бытованием как самобытных, географически локализованных индустрий (например, микокских аккайских памятников Крыма, зубчатого мустье черноморского побережья Румынии и Молдовы, микромустье далматинского побережья), так и сходных культурных явлений (мустье с листовидными остриями), которое охватывает оба этих географических ареала.

На следующем этапе, во время ранней поры верхнего палеолита, сходство культурных процессов в рассматриваемых регионах также довольно велико. По крайней мере, в обоих регионах фиксируется сравнительно длительное переживание среднего палеолита и раннее появление здесь инициальных (только на Балканах) и ранних верхнепалеолитических индустрий. Но принципиально близкие по форме и примерно синхронные, процессы, характеризующие конец среднего палеолита и начало верхнего в рассматриваемых регионах различны по содержанию. На Балканах представлены, в особенности на юге и северо-востоке, инициальные верхнепалеолитические памятники, которые (пока?) не известны в Северном Причерноморье. На Балканах имеются, а в Северном Причерноморье отсутствуют индустрии, близкие улццо Апенинского полуострова. В Северо-Западном Предкавказье и на Балканах известны индустрии так называемого протоориньяка, имеющие, по-видимому, ближневосточное происхождение, но пока они отсутствуют в основном сегменте Северного Причерноморья. Среднепалеолитические индустрии Крыма доживают, по-видимому, до более позднего времени, чем средний палеолит Балкан. В целом, можно заключить, что возможность взаимного непосредственного обмена новыми идеями и населением между рассматриваемыми регионами на этапе раннего верхнего палеолита не подтверждается имеющимися на сегодня источниками.

Средний и заключительный этапы верхнего палеолита Балканского полуострова и Северного Причерноморья, напротив, характеризуются, если можно так выразиться, гораздо более спокойной культурно-исторической динамикой. Из всех бытовавших ранее технико-типологических традиций и линий развития в эти поры имели место индустрии одного направления, а именно – граветтско-эпиграветтского, которое, безусловно, связано исключительно с группами *Homo sapiens*. При этом, существование относительно короткого эпиориньякского эпизода, скорее всего, не следует рассматривать как разрыв в этой генетической последовательности, поскольку ориньякоидные элементы нередко являются вполне гомогенной составляющей в целом ряде как ранних эпиграветтских, так и ранних граветтских индустрий. В целом же, на протяжении времени примерно от 25-24 до 10 ТЛ Балканы и Северное Причерноморье можно включить в состав более крупной культурно-исторической (но не природно-хозяйственной) области, конкретные границы которой еще предстоит определить. В это время развитие рассматриваемых соседствующих географических регионов, очевидно, шло преимущественно безмиграционным путем, а их освоение происходило за счет внутренних демографических процессов, в частности, естественного увеличения численности и плотности населения. О возобновлении миграций передовых идей и, возможно, населения из Передней Азии через Балканы в Северное Причерноморье можно говорить лишь с начала так называемой «неолитической революции», но эта не менее важная тема выходит за рамки данной статьи.

Благодарности.

Данное исследование частично было поддержано грантом НАНУ-РГНФ 04-07, 04-08, 04-09.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М.Н., Чистяков А.А., Щербаков Ф.А. 1986. Четвертичная геология материковых окраин. М.
- Амирханов Х.А. 2007. Олдованские стоянки Северо-Восточного Кавказа: предварительный отчет. М.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.
- Анисюткин Н.К. 2001. Мустьерская эпоха на Юго-Западе Русской равнины. СПб.
- Арутюнов С.А. 1989. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.
- Беляева Е.В. 1998. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб.
- Бруяко И.В., Сапожников И.В. 2009. Колебания уровня моря в конце плейстоцена – первой половине голоцена (около 30–4 тыс. лет назад) и археология Северо-Западного Причерноморья // *Stratum plus* № 2. 2005–2009. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест.
- Васильев С.А., Деревянко А.П., Матишов Г.Г. и др. (ред.). 2008. Ранний палеолит Евразии: новые открытия. Ростов-на-Дону.
- Васильев С.В. 2009. Пять выводов о том, как человек разумный пришел в Европу и куда делись неандертальцы // Древнейшие миграции человека в Евразии. Новосибирск.
- Васильев С.В. 2006. Неандертальцы и неандерталоидность // Доисторический человек: биологические и социальные аспекты. М.
- Васильев С.В., Зубов А.А., Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Кожин П.М., Халдеева Н.И. (ред.) 2006. Доисторический человек: биологические и социальные аспекты. М.
- Вишняцкий Л.Б. 2008. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.

- Гладилин В.М. 1985. Ранний палеолит. Археология Украинской ССР. Том 1. К.
- Голованова Л.Б. 2008. Об одной важной черте позднего палеолита Кавказа // Наследие Кубани, вып. 1. Краснодар.
- Голованова Л.Б., Дороничев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М. 2006. Пещера Матузка. СПб.
- Деревянко А.П. 2009. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В. (ред.). 2009. Древнейшие миграции человека в Евразии. Новосибирск.
- Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блеквелл Б.А.Б., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф. 2007. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.
- Евтушенко А.И. 1995. Локально-хронологическое подразделение мустьерских индустрий Северо-Восточного Средиземноморья. Автореф. дис...канд. ист. наук. К.
- Залізняк Л.Л., Яневич О.О. 1987. Свідерські мисливці Гірського Криму // Археологія, вип. 60.
- Залізняк Л.Л., Степанчук В.М., Ветров Д.О., Товкайло М.Т., Озеров П.І. 2007. Гравецька стоянка Троянове 4 під Новомиргородом // Кам'яна доба України, вип. 10.
- Залізняк Л.Л., Беленко М.М., Озеров П.І. 2008. Стоянка Вись та її місце у пізньому палеоліті України // Кам'яна доба України, вип. 11.
- Зубов А.А. 2004. Палеоантропологическая родословная человека. М.
- Каган М.С. 2004. Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Сборник материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.). Вып. 2, (ред. В.В. Парцвания), СПб.
- Кабо В.Р. 1986. Первобытная доземледельческая община. М.
- Колосов Ю.Г. 1986. Аккайская мустьерская культура. К.
- Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П. 1993. Ранний палеолит Крыма. К.
- Кондукторова Т.С. 1973. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.
- Лазуков Г.И., Гвоздовер М.Д., Рогинский Я.Я., Урысон М.И., Харитонов В.М., Якимов В.П. 1981. Природа и древний человек (основные этапы развития природы, палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене). М.
- Любин В.П. (ред.). 1994. Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп.
- Любин В.П. 1998. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.
- Любин В.П. 1998а. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // Археологический вестник, № 5. СПб.
- Любин В.П., Беляева Е.В. 2006. Ранняя преистория Кавказа. СПб.
- Монигал К. 2001. Пластинчатые индустрии нижнего, среднего и начала верхнего палеолита в Леванте // Археология, этнография и антропология Евразии, № 1(5).
- Нужний Д.Ю. 1994. Пізньопалеолітична стація Ворона-3 на дніпрових порогах та її місце серед оріньякських пам'яток Східної Європи // Археологический альманах, № 3. Донецк.
- Праслов Н.Д. 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М.
- Сапожников И.В. 1994. Палеолит степей Нижнего Приднестровья. Часть I: Памятники нижнего и раннего этапа позднего палеолита. Одесса.
- Сапожников И.В. 2002. Сюрень I – «кримська загадка» або закономірне явище у пізньому палеоліті Південної України // Кам'яна доба України, вип. 1.
- Сапожников И.В. 2003. Большая Аккаржа: хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины. К.
- Сапожников И.В. 2004. Хроностратиграфическое обоснование для общей и региональных периодизаций позднего палеолита Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии, № 3: 2–11.

- Сапожников И.В. 2005. Еще раз о так называемой «крымской загадке»: поздний палеолит навеса Сюрень I // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. (ред.М.В. Аникович). СПб.
- Сапожников И.В. 2005а. Пізній палеоліт степів південного заходу України: хронологія, періодизація і господарство. Автореф. дис...докт. іст. наук. К.
- Сапожников И.В. 2006. Хронология, индустриальная последовательность и периодизация позднего палеолита юга Восточной Европы// Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. (ред. М.В. Аникович). СПб.
- Сапожников И.В., Джинджан Ф., Ковалюх Н.Н. 2007. Абсолютные даты позднепалеолитической стоянки Рашков VII // Кетрару Н.А., Григорьев Г.П., Коваленко С.И. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. Кишинев.
- Сираков Н., Гуадели Ж.-Л. 2005. Разкопки на палеолитного находище Козарника, Белоградчишко // Археологически открития и разкопки през 2004 г., София.
- Ситливый В., Собчик К., Карканас П., Кумузелис М. 2007. Среднепалеолитические комплексы пещеры Клиссура (Пелопонесс, Греция): сравнительный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии, № 3(31).
- Ситник О., Цирек К., Коропецкий Р., Вжесінська Ф. 2005. Гравецька стоянка Галич I // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 9. Львів.
- Степанчук В.Н. 2006. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы.
- Степанчук В.Н. 2007. Динамика ресурсов жизнеобеспечения и освоение юга восточноевропейской равнины в среднем палеолите // Вестник антропологии, вып. 15, часть 1.
- Степанчук В.Н., Коен В.Ю., Герасименко Н.П., Дамблон Ф., Езартс П., Журавльов О.П., Ковалюх М.М., Петрунь В.Ф., ван дер Пліхт Й., Пучков П.В., Рековець Л.І., Тернер Х.Г. 2004. Багатошарова стоянка Міра на Середньому Дніпрі: основні результати розкопок 2000 року // Кам'яна доба України, вип. 5.
- Степанчук В.Н., Коен В.Ю. 2002. Индустрия третьего слоя стоянки Кульчивка, Западная Украина. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. (Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН, вып. 1), (ред. А.А. Сеницын). СПб.
- Степанчук В.М., Рижов С.М., Матвійшина Ж.М., Кармазиненко С.П. 2009. Нові дані до вивчення ранніх етапів освоєння території Східноєвропейської рівнини у палеоліті // Кам'яна доба України, вип. 11.
- Тишков В.А. (ред.). 1988. Экология американских индейцев и эскимосов. М.
- Федоров П.В. 1983. Средиземноморские трансгрессии в геологической истории Черного моря // БМОИП, отд. геол., т. 58, вып. 6.
- Федоров П.В. 2000. Отражение климатических событий плейстоцена в геологической истории Черного моря // Стратиграфия, геологическая корреляция, т. 8, № 5.
- Хрисанфова Е.Н. 1999. Посткраниальный скелет в эколого-популяционном анализе современного и ископаемого человека // Вестник антропологии, вып. 6.
- Чабай В.П. 2000. Особенности перехода от среднего палеолита к верхнему палеолиту в Крыму // Stratum plus № 1. СПб. – Кишинев – Одесса.
- Чабай В.П. 2004. Средний палеолит Крыма. К.
- Чепальга А.Л., Михайлеску К.Д., Измайлов Я.А., Маркова А.К., Кац Ю.И., Янко В.В. 1989. Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Черного моря // Четвертичный период. Стратиграфия. М.
- Щелинский В.Е., Кулаков С.А. 2005. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри (палеонтологическое местонахождение Синяя Балка) на Таманском полуострове: результаты исследований 2003–2004 годов // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий. Ростов-на-Дону.
- Щелинский В.Е., Кулаков С.А. 2005б. Ильская мустьерская стоянка. Раскопки 1920–1930-х гг. СПб.
- Щербаков Ф.А., Куприн П.Н., Моргунов Ю.Г. 1979. Позднечетвертичный этап развития Черного моря // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 49.

- Ahern J.C.M., Karavanić I., Paunović M., Janković I., Smith F.H. 2004. New discoveries and interpretations of hominid fossils and artifacts from Vindija // *Journal of Human Evolution*. vol. 46 (1).
- Aitken M.J. 1999. Archaeological dating using physical phenomena // *Reports on Progress in Physics*. vol. 62.
- Anoikin A.A. 2008. Early Paleolithic in the piedmont zone of Caspian shore of Dagestan (with particular reference to the materials from the Rubas valley) // *Early Paleolithic of Eurasia: New discoveries*. Rostov-on-Don.
- Antonioni F., Vai G.B. (eds). 2004. *Climex Maps Italy*. Explanatory Notes. Bologna.
- Arribas A., Palmqvist P. 1999. On the Ecological Connection between Sabre-tooths and Hominids: Faunal Dispersal Events in the Lower Pleistocene and a Review of the Evidence for the First Human Arrival in Europe // *Journal of Archaeological Science*. vol. 26
- Bar-Yosef O. 1994. The lower Paleolithic of the Near East // *Journal of World Prehistory*, vol. 8, № 3.
- Bar-Yosef O. 1998. The nature of Transitions: the Middle to Upper Paleolithic and the Neolithic Revolution // *Cambridge Archaeological Journal*, vol. 8, № 2.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. 2000. Early Human Dispersals: The unexplored constraint of African diseases // *Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège*. vol. 92.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Adler D.S. 2006. The implications of the Middle-Upper Paleolithic chronological boundary in the Caucasus to Eurasian prehistory // *Anthropologie*. vol. XLIV. № 1.
- Biagi P. 2003–2004. The Mesolithic settlement of Sindh (Pakistan): a preliminary assessment // *Præhistoria*. vol. 4–5.
- Bordes J.-G., Le Brun-Ricalens F., Castel J.-Ch. et al. 2008. Les débuts du Paléolithique supérieur dans le Sud-Ouest de la France: fouilles 2004–2006 au Piage (Fajoles, Lot). Problématique et premiers résultats // *Les sociétés du Paléolithique dans un Grand Sud-Ouest de la France : nouveaux gisements, nouveaux résultats, nouvelles méthodes*, Mémoire XLVII de la Société préhistorique française.
- Borziac I. 2008. Paleoliticul superior din spațiul Carpato-Nistrean: cronostatigrafie, cronologie și periodizare culturală. Autoreferat al tezei de doctor habilitat în științe istorice. Chișinău.
- Brodar M. 1999. Die Kultur aus der Höhle Divje babe I // *Arheoloski vestnik*, № 50.
- Chirica V., Borziac I. 2005. Gisements du Paléolithique inférieur et moyen entre le Dniestr et la Tissa. Iași.
- Clark J. D., Schick K. 2002. Acheulean archaeology of the eastern Middle Awash // *The Acheulean and the Plio-Pleistocene Deposits of the Middle Awash Valley, Ethiopia*. J. de Heinzelin et al. (eds.). *Annales Sciences Géologiques*. vol. 104.
- Cohen V., Gerasimenko N., Rekovetz et al. 1996. Chronostratigraphy of Rockshelter Skalisty: Implications for the Late Glacial of the Crimea // *Préhistoire Européenne*. vol. 9.
- Conard N., Bolus M. 2003. Radiocarbon dating the appearance of modern humans and timing of cultural innovations in Europe: new results and new challenges // *Journal of Human Evolution*. vol. 44.
- Darlas A. 1995. The earliest occupation of Europe: The Balkans. // *The Earliest Occupation of Europe*. W. Roebroeks, T. Van Kolfschoten (eds.). Leiden.
- Dinçer, B., Slimak L. 2007. The Paleolithic of Turkish Thrace: Synthesis and Recent Results // *Turkish Academy of Sciences Archaeology Journal (TÜBA-Ar)*. vol. X.
- Demidenko Yu.E., Otte M. 2000–2001. Siuren-I (Crimea) in the context of a European Aurignacian // *Préhistoire Européenne*. vol. 16–17.
- Djindjian F., Kozłowski J., Otte M. 1999. *Le paléolithique supérieur en Europe*. Paris.
- Djindjian F., Sapozhnikov I., Stepanchuk V., Sapozhnikova G. 2006. Upper Palaeolithic Chronology, Cultural Facies and Economic Complexes of the Northern Black Sea Area // *IV Symposium of Prehistoria de la Cueva de Nerja «La Cuenca mediterranea durante el Paleolítico Superior 38.000–10.000 años»*. J.S.S. Torti et al. (eds). Nerja.
- Dolukhanov P.M. 2008. The initial expansion of anatomically modern humans in Northern Eurasia: new evidence and new hypotheses // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. vol. 1.

- Fernandez Ph., Crégut-Bonnoure E. 2007. Les Caprinae (Rupicaprini, Ovibovini, Ovini et Caprini) de la sequence pléistocène de Kozarnika (Bulgarie du Nord): morphométrie, biochronologie et implications phylogéniques // *Revue de Paléobiologie*. vol. 26. № 2.
- Finlayson C., Carrión S. 2007. Rapid ecological turnover and its impact on Neanderthal and other human populations // *TRENDS in Ecology and Evolution*. vol. 22, № 4.
- Gamble C. 1999. *The Palaeolithic Societies of Europe*. Cambridge.
- Gavela B. 1988. *Paleolit Srbije. Aranjelovać-Beograd*.
- Golovanova L.V., Cleghorn N.E., Doronichev V.B., Hoffecker J.F., Burr G.S., Sulergizkiy L.D. 2006. The Early Upper Paleolithic in the Northern Caucasus (new data from Mezmaiskaya cave, 1997 excavation) // *Eurasian Prehistory*. vol. 4 № 1–2.
- Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E. 2008. Getting back to basic: A response to Otte «Comments on Mezmaiskaya» // *Eurasian Prehistory*. vol. 5. № 1.
- Goren-Inbar N., Feibel C.S., Verosub K.L., et al. 2000. Pleistocene milestones on the out-of-Africa corridor at Gesher Benot Ya'aqov, Israel // *Science*. vol. 289.
- Guadelli J.-L., Sirakov N., Ivanova S., et al. 2005. Une séquence du Paléolithique inférieur au Paléolithique récent dans les Balkans: la grotte Kozarnika à Orechets (nord-ouest de la Bulgarie) // *Les premiers peuplements en Europe*. N. Molines et al. (eds). // *BAR International Series*. (1364). Oxford.
- Guadelli J.-L., Olive M., Tuffreau A. 2005. La Belgique, l'Italie et l'Europe centrale: Le Paléolithique // *Archéologies. Vingt ans de recherches françaises dans le monde*. Paris.
- Harvati K., Panagopoulou E., Karkanas P. 2003. First Neanderthal remains from Greece: the evidence from Lakonis // *Journal of Human Evolution*. vol. 45.
- Harvati K., Panagopoulou E., Karkanas P., Athanassiou A., Frost S.R. 2008. Preliminary results of the Alkomon Paleolithic, Anthropological survey, Greece // *The Palaeolithic of the Balkans*. A. Darlas, D. Mihalović (eds). // *BAR International Series*. (1819). Oxford.
- Higham T., Bronk Ramsey C., Karavani, I., Smith F.H., Trinkau, E., 2006. Revised direct radiocarbon dating of the Vindija G1 Upper Palaeolithic Neanderthals // *Proceedings National Academy of Sciences USA*. vol. 103.
- Higham T., Brock F., Peresani M., Broglio A., Wood R., Douka K. 2009. Problems with radiocarbon dating the Middle to Upper Palaeolithic transition in Italy // *Quaternary Science Reviews*. vol. 28. № 13–14.
- Hoffecker J.F. 2009. The spread of modern humans in Europe // *Proceedings National Academy of Sciences USA*. vol. 106. № 38.
- Ivanova S. 1979. Cultural differentiation in the Middle Paleolithic on the Balkan Peninsula // *Prace Archeologiczne*. t. 28.
- Ivanova S. 1987. Le paleolithique superieur de Tchoutchoura, dans les monts Rhodopes (Bugarie) // *L'Anthropologie*. t. 97. № 1.
- Ivanova S. 2003. Raw materials exploitation strategy on the territory of Bulgaria during early Palaeolithic period // *Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège*. vol. 103.
- Karavanic I. 2003. L'industrie aurignacienne de la grotte de Šandalja II (Istrie, Croatie) dans le contexte de la région de l'Est de l'Adriatique // *L'anthropologie*. vol. 107.
- Karavanic I. 2004. The Middle Paleolithic Settlement of Croatia // N.J. Conard (ed.) *Settlement dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age*. vol. II. Tübingen.
- Kozłowski J.K. (ed.). 1982. *Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria): final report*. Warszawa.
- Kozłowski J.K. 1992. The Balkans in the Middle and Upper Palaeolithic: the gate to Europe or a cul-de-sac? // *Proceedings of the Prehistoric Society*. vol. 58.
- Kozłowski J.K., Kaczanowska M. 2004. Gravettian/Epigravettian Sequences in the Balkans and Anatolia // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. vol. 4. № 1.
- Kozłowski J.K. 2005. Early human migrations: incipient stages of the Old World peopling // *Rocznik Polskiej Akademii Umiejętności*, Kraków.
- Kozłowski J.K. 2005. Paléolithique supérieur et Mésolithique en Méditerranée: cadre culturel // *L'anthropologie*. vol. 109.

- Kozłowski J.K., Leotard J.-M., Otte M., Taskiran H., Yalçinkaya I., Bar-Yosef O. 1992. Karain 1991, Recherches paléolithiques en Turquie du Sud. Rapport provisoire // *Paléorient*. vol. 18. № 2.
- Kozłowski J.K., Lavelle H., Ginter B. (eds). 1994. Temnata Cave. Excavations in Karlukovo Karst Area, Bulgaria, vol. 1.2. Krakow.
- Kozłowski J.K., Otte M. 2000. The formation of the Aurignacian in Europe // *Journal of Anthropological Research*. vol. 56.
- Kuhn S.L. 2002. Paleolithic Archeology in Turkey // *Evolutionary Anthropology*. vol. 11.
- Kuhn S.L., Stiner M.C., Güleç E. 2004. New perspectives on the initial Upper Paleolithic. The view from Uçađızlı cave, Turkey. // *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe*. P.J. Brantingham et al. (eds.). London.
- Koumouzelis M., Kozłowski J.K., Escutenaire C., Sitlivy V., Sobczyk Kr., Valladas H., Tisnerat-Laborde N., Wojtal P., Ginter B. 2001. La fin du Paléolithique moyen et le début du Paléolithique supérieur en Grèce: la séquence de la Grotte 1 de Klissoura // *L'Anthropologie*. vol. 105.
- Lambeck K. 1996. Sea-level change and shore-line evolution in Aegean Greece since Upper Palaeolithic time // *Antiquity*. vol. 70.
- Malez M. 1975. O značenju otkrića ostataka roda Homo u naslagama vilafranka Šandalje I kod Pule // *Rad Jugoslavanske akademije znanosti i umjetnosti*, t. 371 (17).
- Manzi G. 2001. The Earliest Diffusion of the Genus Homo Toward Asia and Europe: a Brief Overview // *Humanity from African naissance to coming millennia*. Ph.V. Tobias et al. (eds.). Firenze-Johannesburg.
- Mellars P. 2004. Neanderthals and the modern human colonization of Europe // *Nature*. vol. 432.
- Mellars P. 2005. The Impossible Coincidence. A Single-Species Model for the Origins of Modern Human Behavior in Europe // *Evolutionary Anthropology*. vol. 14.
- Mellars P. 2006. Why did modern human populations disperse from Africa ca. 60,000 years ago? A new model // *Proceedings National Academy of Sciences USA*. vol. 103. № 25.
- Mihailović D. 2008. Istraživanja paleolita na području Niške kotline izmepu 2004 i 2006. godine // *Zbornik radova Odbora za kras i speleologiju*, t. 9.
- Mihailović et al. 1997. Istraživanje paleolita na području istočne Srbije // *Arheologija istočne Srbije*. Beograd Centar za arheološka istraživanja.
- Mortensen P. 2008. Lower to Middle Palaeolithic artefacts from Loutró on the south coast of Crete // *Antiquity*. vol. 82.
- Nioradze M.G., Otte M. 2000. Paléolithique supérieur de Georgie // *L'Anthropologie*. vol. 104.
- Noiret P. 2005. The Arignacian in Eastern Europe // *Anatolia*, vol. 29.
- Oliva M., 1996. L'Épaurignacien en Moravie. Le changement économique pendant le deuxième Pléniglaciaire Würmien // *The Upper Palaeolithic. Colloquium XI. The Late Aurignacian*. A. Montet-White, A. Palma di Cesnola, K. Valoch (eds.). Actes du XIIIe Congrès international de l'UISPP (Forli, 8-14 septembre 1996). vol. 6. Forli.
- Osole F. 1990. Betalov Spodmol, rezultati Paleolitskih izkopovanj S. Brodarja. I del // *Poročilo o raziskovanju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniji*, t. XXVIII/7.
- Osole F. 1991. Betalov Spodmol, rezultati Paleolitskih izkopovanj S. Brodarja. II del. // *Poročilo o raziskovanju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniji*, t. XIX/7.
- Otte M. 2006. The Aurignacian of the Caucasus// *Toward a Definition of the Aurignacian*. O. Bar-Yosef and J. Zilhao (eds.). *Trabalhos de Arqueologia*, vol. 45:
- Papaconstantinou E.S. 1988. Micromousterian: Les idées et les pierres. Le Micromousterien d'Asprochaliko (Greece) et le problème des industries microlithiques du mousterien. Thèse présentée en vue d'obtenir le grade de docteur à l'université Paris X-Nanterre.
- Panagopoulou E., Elefanti P. Karkanas P. 2006. The Middle to Upper Palaeolithic Transition in Greece: the Evidence from Lakonis Cave // *UISPP XV Congress, Book of Abstracts*. vol. I. Lisbon.
- Păunescu A. 1999. Paleoliticul și mezoliticul de pe teritoriul Dobrogei. București.
- Rigaud J.-Ph., Lucas G. 2006. The first Aurignacian technocomplexes in Europe: a revision of the Bachokirien. *Toward a Definition of the Aurignacian*. O. Bar-Yosef and J. Zilhao (eds.). *Trabalhos de Arqueologia*. vol. 45.

- Runnels C. 1988. A prehistoric survey of Thessaly: new light on the Greek Middle Paleolithic // *Journal of Field Archaeology*. vol. 15.
- Runnels C., Özdoğan M. 2001. The Paleolithic of the Bosphorus region, NW Turkey // *Journal of Field Archaeology*. vol. 28.
- Runnels C.N., van Andel T.H. 2003. The Early Stone Age of the Nomos of Preveza: Landscape and Settlement // *Landscape Archaeology in Southern Epirus, Greece* I. J. Wiseman, K. Zachos (eds.). *Hesperia Supplement*. vol. 32.
- Santonja M, Villa P. 2003. The Acheulian of Western Europe // *Landscape Archaeology in Southern Epirus, Greece* I. J. Wiseman, K. Zachos (eds.). *Hesperia Supplement*. vol. 32.
- Shackleton J., van Andel T., Runnels C.N. 1984. Coastal Paleogeography of the central and western Mediterranean during the last 125,000 years and its archaeological implications // *Journal of Field Archaeology*. vol. 11.
- Sirakov N. 1983. Reconstruction of the Middle Paleolithic flint assemblages from the cave Samuilitsa II (Northern Bulgaria) and their taxonomical position seen against the Paleolithic of South-Eastern Europe // *Folia Quaternaria*. vol. 55.
- Sirakova S., Ivanova S. 1988. Le site paleolithique pres du village Muselievo, department de Pleven // *Studia Praehistorica*. t. 9.
- Stepanchuk V.N., Sapozhnikov I.V., Gladkikh M.I., Ryzhov S.N. 2009. Ukrainian Upper Palaeolithic between 40/10.000 BP: Current insights into environmental-climatic changes and cultural development // *Le concept de territoires dans le Paléolithique supérieur européen*. F.Djindjian et al. (eds). // *BAR International Series*. (1938). Oxford.
- Teyssander N. 2007. L'Emergence du Paleolithique superieur en Europe: mutations culturelles et rythmes d'evolution // *PALEO*. vol. 19.
- Tourloukis E. 2009. New bifaces from the Palaeolithic site of Kokkinopilos, Greece and their stratigraphic significance // *Antiquity*. vol. 83.
- Tsanova T., Bordes J.-G. 2003. Contribution au débat sur l'origine de l'Aurignacien : principaux résultats d'une étude technologique de l'industrie lithique de la couche 11 de Bacho Kiro // *The humanized mineral world: towards social and symbolic evaluation of prehistoric technologies in South Eastern Europe*. T. Tsonev, E. Montagnari Kokelj (eds.). *Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège*. vol. 103.
- Tsanova T. 2006. Entre l'Europe et le Proche-Orient, le début de la production lamellaire dans les Balkans de l'Est: l'exemple du niveau VII de la grotte Kozarnika en Bulgarie // *UISPP XV Congress, Book of Abstracts*. vol. II, Lisbon.
- Turk I. 1997. (ed.) Mousterian "bone flute" and other finds from Divje Babe I cave site in Slovenia. Ljubljana.
- Valoch K. 1968. Evolution of the Palaeolithic in Central and Eastern Europe // *Current Anthropology*. vol. 9, № 5.
- Zuk S. 1995. About the Early Palaeolithic of the Crimea // *Préhistoire Européenne*. vol. 7.
- Zwyns N. 2004. La problematique de l'Aurignacien tardif dans la zone des steppes nord-pon-tiques // *L'anthropologie*. vol. 108.

Summary

Paper deals with analysis of the most informative Lower, Middle, and Upper Paleolithic sites of Balkan peninsula and Northern Black Sea Area for the finding-out the general regularities of cultural-historical dynamic and search for the facts testifying either interaction or independent parallel evolution of material culture of population of these large adjoining geographical regions.